

Библиотека Златоуста

Ф.М. Достоевский

ИДИОТ

Библиотека Златоуста

Федор Достоевский

Идиот (адаптированный текст)

«Златоуст»

2015

УДК 811.161.1

Достоевский Ф. М.

Идиот (адаптированный текст) / Ф. М. Достоевский —
«Златоуст», 2015 — (Библиотека Златоуста)

ISBN 978-5-86547-448-7

Адаптированный текст популярного романа Ф.М. Достоевского "Идиот". 2300 слов с опорой на лексический минимум II сертификационного уровня (B2). Ударения, вопросы и задания, в том числе тестовые, ключи, англо-русский словарь, иллюстрации.

УДК 811.161.1

ISBN 978-5-86547-448-7

© Достоевский Ф. М., 2015
© Златоуст, 2015

Содержание

Справка об авторе	6
Часть первая	8
I	8
Комментáрий	12
Вопро́сы	13
II	14
Комментáрий	17
Вопро́сы	17
III	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Фёдор Достоевский

Идиот

Роман в четырёх частях

3-е издание

Подготовка текста:

А. Л. Максимова, Д. В. Шаманский, А. В. Голубева

Задания и словарь:

А. Л. Максимова, А. В. Голубева

© ООО Центр «Златоуст» (адаптация, издание, лицензионные права), 2008

* * *

Предлагаем Вашему вниманию книгу из серии «Библиотека Златоуста». Серия включает адаптированные тексты для 5 уровней владения русским языком: произведения классиков русской литературы, современных писателей, публицистов, журналистов, а также киносценарии. I, II и IV уровни ориентируются на лексические минимумы, разработанные для Российской государственной системы тестирования по русскому языку. Каждый выпуск снабжен вопросами, заданиями и словарем, в который вошли слова, выходящие за пределы минимума.

Настоящий текст адаптирован в соответствии с лексическим минимумом второго сертификационного уровня – В2.

I – 760 слов

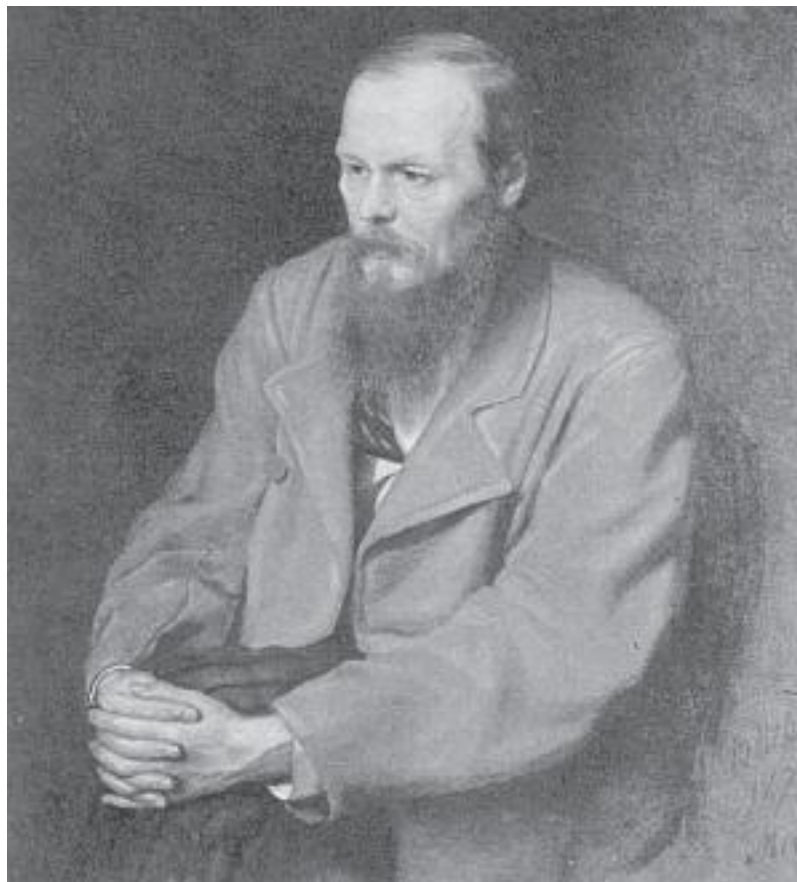
II – 1300 слов

III – 1500 слов

IV – 2300 слов

V – 3000 слов и выше

Справка об авторе

Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881). Русский писатель-реалист, мыслитель-гуманист. Родился 30 октября 1821 года в Москве, сын врача, образование получил в инженерном училище в Санкт-Петербурге. В 1841-ом стал офицером, в 1843-ем окончил офицерскую школу и начал служить в петербургской инженерной команде, осенью 1844-го вышел в отставку.

В 1845-ом году первая повесть Достоевского «Бедные люди» была опубликована в демократическом журнале «Отечественные Записки» и получила высокие отзывы критики. Затем выходит ряд повестей из жизни чиновников.

Писатель интересуется возможностью социальных изменений в обществе, участвует в литературном кружке, который изучает идеи социализма. 21 декабря 1849-го года за участие в этом кружке приговорён к смертной казни, но после изменения приговора сослан в Сибирь на 4 года. В 1856-ом году возвратился в Россию. Первые произведения после ссылки – «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково».

С 1860-го года Достоевский живёт в Санкт-Петербурге и с 1861-го года с братом издаёт ежемесячный журнал «Время», где печатает роман «Униженные и оскорблённые» и «Записки из мёртвого дома», в которых описал жизнь в Сибири. В 1863-ем году журнал был запрещён.

После поездки за границу появились романы «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1868) и «Бёсы» (1871–1872). С 1873-его года работает редактором журнала «Гражданин», где печатает свой «Дневник писателя». В 1875-ом году печатает роман «Подросток», в 1876—78-ом годах издаёт «Дневник писателя» в отдельной книге. В 1879-ом году вышел роман «Братья Карамазовы».

Умер 28 января 1881-го года и похоронен в Александро-Невской лавре.

Романы Достоевского – редкие образцы глубокого психологического анализа, который открывает тайны человеческого сердца.

Всю жизнь писатель искал Человека в человеке. Он верил в то, что человек – не просто «фортепианная клавиша», которая только реагирует на чье-то влияние. Человек по природе своей способен сам различать добро и зло, делать активный выбор между ними и через него развиваться.

Часть первая

I

В концé ноября, в тёплую погоду, часóв в девять утра, пóезд Петербургско-Варшавской желéзной доро́ги **на всех пара́х** подходил к Петербургу.

В одно́м из ваго́нов **трётьего класса**, с рассвёта, сидели друг прóтив дру́га, у са́мого окна́, два пассажи́ра. Оба лю́ди молодёе, оба почти́ **налегкё**, прóсто одётые и оба хотёли, наконец, заговорить друг с дру́гом.

Один из них был небольшо́го рóста, лет двадцати́ семи́, **курчавый** и почти́ черноволóсый, с серыми, ма́ленькими, но горящими глаза́ми. Его́ то́нкие губы постоянно́ ка́к-то зло улыба́лись. Он был тепло́ одёт, а сосед его́ к ноябрьской ру́сской но́чи, очеви́дно, был не гото́в. На нём был ширóкий и то́лстый плащ без рукаво́в и с большо́м капюшо́ном, как но́сят ча́сто путеше́ственники зимо́й гдё-нибудь далеко́ за границей, в Швейцáрии и́ли, наприме́р, в Се́верной Ита́лии. Он был молодóй челове́к, то́же лет двадцати́ шести́ и́ли двадцати́ семи́, рóста немно́го повы́ше сре́днего, с о́чень свётлыми и густы́ми волоса́ми, с худы́ми щека́ми и с ма́ленькой, почти́ соверше́нно бе́лой боро́дкой. Глаза́ его́ были́ большо́е, голу́бые и внима́тельные; в них что́-то говори́ло о возмо́жной боле́зни. Черноволóсый пассажи́р спроси́л с неве́жливой улы́бкой:

- Хо́лодно?
- О́чень, – отве́тил сосед. – Я да́же не ду́мал, что у нас так хо́лодно. Отвы́к.
- Из-за границы, что ль?
- Да, из Швейцáрии.

Начался разговор. Светловолосый пассажир рассказывал, что действительно не был в России больше четырёх лет, что отправлен был за границу лечиться от нервной болезни. «Что же, вылечили?» – спросил черноволосый. А сосед отвечал, что «нет, не вылечили».

– Хе! Денег, должно быть, заплатили много, а мы-то **им** здесь верим.

– Это правда! – заметил третий, плохо одетый господин, похожий на мелкого **чиновника**. – Только всё русское бесплатно к себе берут!

– О, как вы в моём случае ошибаетесь, – продолжил швейцарский пациент. – Мой доктор мне из своих последних денег ещё на дорогу сюда дал, да два почти года там за меня платил.

– Что ж, некому платить, что ли, было? – спросил черноволосый.

– Да, господин Павлищев, который за меня там платил, два года назад умер; я писал потом сюда **генеральше** Епанчиной, моей дальней родственнице, но ответа не получил. Так с тем и приехал.

- Куда же приехали-то?
- То есть где остановлюсь?.. Да не знаю ещё, право.
- А **позвольте** узнать, с кем я говорю, – обратился вдруг третий господин к светловолосому молодому человеку.
- Князь Лев Николаевич Мышкин, – отвечал тот.
- Князь Мышкин? Лев Николаевич? Не знаю-с, – отвечал в раздумье господин.
- О, ещё бы! – ответил князь. – Князей Мышкиных теперь и совсем нет, кроме меня; мне кажется, я последний.
- А что вы, князь, и наукам там обучались? – спросил вдруг черноволосый.
- Да... учился...
- А я вот ничему никогда не обучался.
- Да ведь и я так, кое-чему только. Меня **по болезни** не могли систематически учить.
- Рогожиных знаете? – быстро спросил черноволосый.
- Нет, не знаю, совсем. Я ведь в России очень мало кого знаю. Это вы Рогожин?
- Да, я Рогожин, Парфён.
- Парфён? Да уж это не тех ли самых Рогожиных... – начал было с усиленной важностью чиновник.
- Да, тех, тех самых, – быстро перебил его черноволосый.
- Да... как же это? – удивился чиновник. – Это того самого Семёна Парфёновича Рогожина, что **с месяц назад** умер и два с половиной миллиона капитала оставил?
- А ты откуда узнал, что он два с половиной миллиона капитала оставил? – перебил черноволосый. – А это правда, что вот родитель мой умер, а я из Пскова через месяц чуть не без сапог домой еду. Пять недель назад я, вот как и вы, – обратился Рогожин к князю, – с одним **узелком** от родителя во Псков убежал к тётке. Если бы не убежал тогда, он бы меня убил. Во Пскове они все думают, что я ещё болен, а я, ни слова не говоря, потихоньку, сел в вагон, да

и еду; встречай, братец Семён **Семёныч**! Он родителю покойному на меня **наговаривал**, я знаю. А я через **Настасью** Филипповну тогда родителя злил.

– Через Настасью Филипповну? – спросил чиновник, как бы о чём-то думая.

– Да ведь не знаешь! – воскликнул Рогожин.

– Вот и знаю! – победоносно отвечал чиновник. – Лебедев знает! Видно, та самая Настасья Филипповна Барашкова, знатная барыня и тоже в своём роде княгиня, а знакома с неким Тощким Афанасием Ивановичем, **помещиком** и **раскапиталистом**, и дружит с генералом Епанчиным.

– Эге! Да ты вот что! – действительно удивился, наконец, Рогожин. – Тьфу, чёрт, да ведь он и правда знает.

– Лебедев всё знает!

– Это вот всё так и есть, – подтвердил Рогожин. – Я тогда, князь, через **Нёвский** перебежал, а она из магазина выходит, в экипаж садится. Так меня тут и **прожгло**. Встречаю приятеля, тот говорит, **не пара** тебе княгиня, а зовут её Настасьей Филипповной, фамилией Барашкова, и живёт с Тощким, а Тощкий от неё теперь не знает как освободиться, потому что исполнилось ему пятьдесят пять лет и он жениться хочет на первейшей красавице во всём Петербурге. Тут он мне и сказал, что сегодня же можешь Настасью Филипповну в Большом театре видеть, в балете, в ложе своей, в бенеуаре, будет сидеть. Я, однако же, на час **втихомолку** сбегал и Настасью Филипповну опять видел; всю ночь не спал. На утро отец даёт мне два банковских кредитных билета по пять тысяч каждый. Сходи да продай, говорит, да семь тысяч пятьсот к Андреевым в контору отнеси, уплати, а остальную сдачу с десяти тысяч, не заходя никуда, мне принеси. Билеты-то я продал, деньги взял, а к Андреевым в контору не заходил, а пошёл, никуда не глядя, в английский магазин, да на все пару **серёжек** и выбрал, по одному бриллиантику в каждой, почти по ореху будут, четыреста рублей должен остался, имя сказал, поверили. С серёжками я к приятелю: идём, брат, к Настасье Филипповне. Отправились. Прямо к ней в зал вошли, сама вышла к нам. Я тогда не сказал, что это я самый и есть; а «от Парфёна Рогожина», говорит приятель, «вам в память вчерашней встречи; будьте добры принять». Открыла, посмотрела, усмехнулась: «Благодарите, – говорит, – вашего друга господина Рогожина за его внимание», и ушла. Ну, вот зачем я тут не умер тогда же! Приятель смеётся: «А вот как-то ты теперь Семёну Парфёнычу отчёт давать будешь?» Я, правда, хотел было тогда же в воду,

домой не заходя, да думаю: «ведь уж всё равно», и вернулся домой. Тогда взял меня отец и наверху закрыл, и целый час **поучал**. Что ж ты думаешь? Поехал он к Настасье Филипповне, **умолял** и плакал; вынесла она ему наконец коробку, бросила: «Вот, – говорит, – тебе, старая борода, твой сergy, а они мне теперь в десять раз дороже ценой. Кланяйся, говорит, и благодари Парфёна Семёныча». Ну, я в это время во Псков и отправился, да пошёл потом пить на последние деньги, да в бесчувствии всю ночь на улице и пролежал, а к утру **жар**. С трудом **в себяпришёл**.

– А вот и приехали!

Действительно, въезжали на вокзал. Хотя Рогожин и говорил, что он уехал тихонько, но его уже поджидали несколько человек.

– Ишь, все тут! – **пробормотал** Рогожин, посмотрел на них с торжествующей и даже злобной улыбкой и вдруг обратился к князю:

– Князь, не известно мне, за что я тебя полюбил. Может, оттого, что в такую минуту встретил, да вот ведь и его встретил (он указал на Лёбедева), а ведь не полюбил же его. Приходи ко мне, князь. Одну тебя в шубу, **фрак** тебе сошью, **жилётку** белую, денег дам и... поедem к Настасье Филипповне! Придешь или нет?

Князь Мышкин привстал, вежливо протянул Рогожину руку и любезно сказал ему:

– С величайшим удовольствием приду и очень вас благодарю за то, что вы меня полюбили. Даже, может быть, сегодня же приду, если успею. Потому, я вам скажу откровенно, вы мне сами очень понравились. Благодарю вас за обещанное мне **платье** и за шубу, потому что мне действительно платье и шуба скоро нужны будут. Денег же у меня в настоящую минуту почти ни копейки нет.

– Деньги будут, к вечеру будут, приходи!

– Будут, будут, – добавил чиновник, – к вечеру и до зари ещё будут!

– А до женского пола вы, князь, **охотник** большой?

– Я н-н-нет! Я ведь... по болезни моей даже совсем женщин не знаю.

– Ну, если так, – сказал Рогожин, – совсем ты, князь, выходишь **юрбидивый**, и таких, как ты, бог любит!

Скоро шумная толпа удалилась по направлению к Вознесенскому проспекту. Князю надо было повернуть к Литейному.

Комментарий

на всех парах – очень быстро; с большой скоростью
вагон третьего класса – самый дешёвый вагон поезда
курчавый – выющийся (о волосах), с волосами колёчками
налегке – без багажа

Семёныч – разговорная форма отчества Семёнович

Настасья – разговорная форма имени Анастасия

генеральша – жена генерала

позволить – разрешить

чиновник – государственный служащий

по болезни – из-за болезни, по причине болезни

узелок – маленький мягкий пакет, завязанный узлом

наговаривать (кому на кого) – говорить плохое о ком-либо

Невский – центральный проспект в Санкт-Петербурге

втихомолку – никому не сказав, тайно

прожгло, прожечь – здесь: произвести сильное впечатление

не пара – другого социального круга, неподходящий

раскапиталист – крупный капиталист
с месяц наза́д – около́ месяца наза́д, приме́рно ме́сяц наза́д
поме́щик – дере́вский аристокра́т, земле́владельце́
поуча́ть – здесь: би́ть с це́лью испра́вить оши́бки в поведе́нии
умоля́ть – о́чень проси́ть
пробормо́тать – сказа́ть ти́хо и не совсе́м поня́тно
жа́р – высо́кая температу́ра, лихора́дка
фра́к – пара́дная, выходя́я мужско́я оде́жда
жиле́тка – коро́ткая мужско́я оде́жда без воротника́ и рукаво́в
пла́тье – здесь: оде́жда
за́ря – здесь: восхо́д со́лнца, рассве́т
охо́тник – любите́ль
ю́рбдивый – не в сво́ём уме́

Вопро́сы

1. Кто сиде́л у са́мого окна́ в ваго́не тре́тьего cláсса?
2. Как вы́глядели молодые́ люди́?
3. Отку́да возвраща́лся белоку́рый молодóй челове́к?
4. Почему́ он жил в Швейца́рии?
5. Кому́ князь Мы́шкин написа́л письмо́ в Петербу́рг и како́й отве́т получи́л?
6. Кто тако́й Парфе́н Рого́жин? Что мо́жно сказа́ть о его́ ха́рактере?
7. Почему́ Рого́жин и Мы́шкин е́хали в ваго́не тре́тьего cláсса?
8. Как зва́ли тре́тьего уча́стника разгово́ра в ваго́не?
9. Кто тако́я Наста́сья Фили́пповна?
10. Что предло́жил Рого́жин кня́зю Мы́шкину, когда́ они́ прие́хали в Петербу́рг?

II

Генерал Епанчин жил в собственном доме, несколько в стороне от Литейного. Кроме этого превосходного дома, большая часть которого **сдавалась внаём**, генерал Епанчин имел ещё огромный дом на Садовой, приносивший тоже немалый доход. **Слыл** он человеком с большими деньгами и с большими связями. **Летами** генерал Епанчин был ещё, как говорится, **в самом соку**, то есть пятидесяти шести лет.

Семейство генерала состояло из **супруги** и трёх взрослых дочерей. Генеральша была из княжеского рода Мышкиных, рода хотя и не блестящего, но древнего, и за своё происхождение весьма уважала себя. В последние годы подросли все три генеральские дочери, Александра, Аделаида и Аглая. Все три были замечательно хороши собой, не исключая и старшей, Александры, которой уже минуло двадцать пять лет. Средней было двадцать три года, а младшей, Аглае, только что исполнилось двадцать. Все три отличались образованием, умом и талантами. Старшая была музыкантша, средняя была замечательный живописец. Замуж они не торопились.

Было уже около одиннадцати часов, когда князь позвонил в квартиру генерала. Князю открыл слуга, и ему долго нужно было объясниться с этим человеком. Наконец слуга проводил его в маленькую переднюю и сдал его с рук на руки другому человеку, докладывавшему генералу о посетителях.

– Подождите в приёмной, – проговорил он, со строгим удивлением поглядывая на князя, расположившегося тут же рядом около него на стуле. – Вам к самому генералу? Да вы точно... из-за границы? – как-то невольно спросил он наконец.

– Да, сейчас только из вагона. Мне кажется, вы хотели спросить: точно ли я князь Мышкин? Уверяю вас, что я не обманул вас и вы отвечать за меня не будете. А что я в таком виде, то тут удивляться нечего: в настоящее время мои обстоятельства плохи.

– Гм. Я опасюсь не того, видите ли... Вы не по бедности к генералу, позвольте узнать?

– О, нет, в этом будьте совершенно уверены. У меня другое дело.

– Вы меня извините, а я на вас глядя спросил. Подождите секретаря.

– Если долго ждать, то я бы вас попросил: нельзя ли здесь где-нибудь покурить? У меня трубка и табак с собой.

– По-ку-рить? – с удивлением посмотрел на него слуга. – Нет, здесь вам нельзя покурить.

– О, я ведь не в этой комнате просил; а я бы вышел куда-нибудь, потому что привык, а вот уж часа три не курил.

– Ну как я о вас о таком доложу? – пробормотал почти невольно слуга. – Да вы что же, у нас жить хотите?

– Нет, не думаю. Даже если б и пригласили, так не останусь. Я просто познакомиться только приехал.

– Как? Познакомиться? – с утробенной подозрительностью спросил слуга. – Как же вы сказали сначала, что по делу?

– О, почти не по делу! То есть, если хотите, и есть одно дело, так только совета спросить, но я главное, чтобы познакомиться, потому что я князь Мышкин, а генеральша Епанчина тоже последняя из князей Мышкиных и, кроме меня с нею, Мышкиных больше и нет.

– Так вы ещё и родственник? – сказал уже совсем испуганный слуга.

– И это почти что нет. Впрочем, конечно, родственники. Я раз обращался к генеральше из-за границы с письмом, но она мне не ответила. Примут – хорошо, не примут – тоже, может быть, очень хорошо.

Князь встал, снял с себя плащ и остался в довольно приличном и хорошо сшитом, хотя и поношенном уже пиджаке. По жилету шла стальная цепочка. На цепочке оказались женевские серебряные часы.

– Здесь у вас в комнатах зимой теплее, чем за границей, – заметил князь.

– А долго вы ездили?

– Да четыре года. Впрочем, я всё на одном месте сидел, в деревне.

– В Петербурге-то прежде жили?

– Почти нет, так только, проездом. И прежде ничего здесь не знал, а теперь столько нового, что, говорят, кто и знал-то, так снова переучивается. Здесь про суды теперь много говорят. Что у нас **смертной казни** нет.

– А там казнят?

– Да. Я во Фрэнции ви́дел, в Ли́оне. Я прямо вам скажу моё мнение. Убивать за убийство на́много бо́льшее наказа́ние, чем са́мо преступле́ние. Убийство по пригово́ру на́много ужа́снее, чем убийство **разбо́йниче**. Тот, кого́ убива́ют разбо́йники, но́чью, в лесу́, обяза́тельно ещё наде́ется, что спасётся, до са́мого последне́го мгнове́ния. А тут всю́ эту последнюю наде́жду отнима́ют наве́чно.

Слуга́, хотя́ и не мог бы так вы́разить всё́ это́, как князь, но гла́вное по́нял, что ви́дно было́ да́же по лицу́ его́.

– Если уж вы так хотите, – сказа́л он, – покури́ть, то, пожа́луй, и мо́жно, е́сли то́лько поскорее́...

Но князь не успе́л покури́ть. В переднюю́ вдруг вошёл молодой человек с бума́гами в рука́х. Молодой человек посмотре́л на князя́.

– Это, Гаври́ла Ардалио́ныч, – нача́л слуга́, – князь Мы́шкин, ро́дственник Елиза́веты Проко́фьевны, прие́хал из-за гра́ницы.

– Вы князь Мы́шкин? – спроси́л Гаври́ла Ардалио́ныч чрезвычайно любе́зно и ве́жливо. Это был о́чень краси́вый молодой человек, то́же лет двадца́ти восьми́, стро́йный блонди́н, средневысо́кого ро́ста, с ма́ленькой наполео́новской боро́дкой, с у́мным и о́чень краси́вым лице́м. То́лько улы́бка его́, при всей её любе́зности, была́ что́-то уж сли́шком тонка́; взгля́д, несмотря́ на всю́ весе́лость и ви́димое просто́душие его́, был что́-то уж о́чень внима́тельным и изуча́ющим.

– Не вы ли, – спроси́л он, – год наза́д или́ да́же бо́льше присла́ли письмо́, ка́жется, из Швейца́рии, к Елиза́вете Проко́фьевне?

– То́чно так.

– Так вас здесь зна́ют и то́чно по́мнят. Вы к его́ превосходи́тельству? Сейча́с я доложу́...

В это́ время вдруг откры́лась дверь из кабинета́, и како́й-то воённый вы́шел оттуда́:

– Ты здесь, Га́ня? Проходи́-ка сюда́!

Гаври́ла Ардалио́нович кивну́л голово́й князю́ и поспе́шно прошёл в кабинет.

Мину́ты че́рез две дверь откры́лась сно́ва и послы́шался звонкий и приве́тливый го́лос Гаври́лы Ардалио́новича:

– Князь, пожа́луйте!

Комментáрий

отдава́ть внаём – сдава́ть ко́мнаты в а́ренду

слы́ть – по мнени́ю людей, бы́ть

лета́ми – во́зрастом

в са́мом соку́ – в расцвёте сил и здоро́вья

супру́га – жена́ (супру́г – муж, вместе: супру́ги)

сме́ртная казнь – лишё́ние жи́зни по реше́нию суда́, вы́сшая ме́ра наказа́ния

разбо́йничий: разбо́йник – банди́т, престу́пник

Га́ня – умены́шительная фо́рма и́мени Гаври́ла

Вопро́сы

1. Куда́ пришёл князь с вокза́ла?
2. Почему́ он пришёл в дом Епанчи́ных?
3. Богáт ли был генера́л Епанчи́н?
4. Ско́лько доче́рей было́ у генера́ла Епанчи́на? Ско́лько им было́ лет? Как их зва́ли?
5. Как встре́тил князя́ слуга́ генера́ла?
6. Почему́ слуга́ не хоте́л докла́дывать генера́лу о князе Мы́шкине?
7. О чём расска́зал Мы́шкин слуге́? Как его́ характери́зует разгово́р о сме́ртной ка́зни?
8. Почему́ слуга́ разреши́л князю́ кури́ть?
9. Кто тако́й Гаври́ла Ардалио́нович?
10. Кто така́я Елиза́вета Проко́фьевна?

III

Генерал Иван Фёдорович Епанчин стоял посреди своего кабинета и с чрезвычайным любопытством смотрел на входящего князя. Князь подошёл и представился.

– Так-с, – отвечал генерал, – чем же могу служить?

– Дела я никакого не имею; цель моя была просто познакомиться с вами. Не желал бы беспокоить... Но я только что сам из вагона... приехал из Швейцарии...

Генерал чуть-чуть было усмехнулся, но подумал и быстро указал ему стул. Ганя сидел в углу кабинета, у стола, и разбирал бумаги.

– Для знакомств вообще я мало времени имею, – сказал генерал, – но так как вы, конечно, имеете свою цель, то...

– Я так и предчувствовал, – перебил князь, – что вы **непременно** увидите в посещении моём какую-нибудь особенную цель. Но **ей-богу**, кроме удовольствия познакомиться, у меня нет никакой частной цели.

– Удовольствие, конечно, и для меня больше, но не всё же развлечения, иногда, знаете, случаются и дела...

– Причины нет, бесспорно, и общего, конечно, мало. Потому что, если я князь Мышкин и ваша супруга из нашего рода, то это, разумеется, не причина. Но, однако ж, я хотел только познакомиться.

– Позвольте узнать, где остановились?

– Я ещё нигде не остановился.

– Судя по вашим словам, **я было подумал**, что вы уж так прямо ко мне.

– Это могло быть, но не иначе, как по вашему приглашению. Я же, признаюсь, не остался бы и по приглашению.

– Ну, **стало быть**, и кстати, что я вас не пригласил и не приглашаю. Так как мы сейчас договорились, что насчёт родственности между нами и слова не может быть, то, стало быть...

– То, стало быть, вставать и уходить? – приподнялся князь, как-то даже весело рассмеявшись. – Ну, прощайте и извините, что побеспокоил.

Взгляд князя был до того ласков в эту минуту, что генерал вдруг остановился.

– А знаете, князь, – сказал он совсем другим голосом, – ведь я вас всё-таки не знаю, да и Елизавета Прокófьевна, может быть, захочет посмотреть на однофамильца... Подождите, если хотите, если у вас есть время.

– О, у меня есть время.

– Вот что, князь, – сказал генерал с весёлою улыбкой, – если вы в самом деле такой, каким кажетесь, то с вами, пожалуй, и приятно будет познакомиться. А сколько вам лет, князь?

– Двадцать шесть.

– Ух! А я думал намного меньше.

– Да, говорят, я молодо выгляжу...

– Два слова-с: имеете вы хотя бы некоторый капитал? Извините, что я так...

– Я ваш вопрос очень ценю и понимаю. Никакого капитала пока я не имею и никаких занятий тоже, а надо бы-с. Дело у меня, правда, есть одно, и я нуждаюсь в совете, но...

– Скажите, на что же вы собираетесь пока жить и какие были ваши планы? – перебил генерал.

– Трудиться как-нибудь хотел.

– О, да вы философ; а впрочем... знаете за собой таланты, способности, которые хлеб дадут?

– Нет-с, я думаю, что не имею ни талантов, ни особых способностей; даже наоборот, потому что я больной человек и правильно не учился.

Генерал стал спрашивать. Князь снова рассказal всё, что было уже рассказано. Остался князь после родителей ещё малым ребёнком, всю жизнь жил и рос в деревне, так как и здоровье его требовало деревенского воздуха. Частые **припадки**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.